

НИКОЛАЙ В. КОНОНОВ

БОГ БЕЗ МАШИНЫ

Истории 20 сумасшедших,
сделавших в России бизнес с нуля

Николай Кононов

**Бог без машины. Истории
20 сумасшедших, сделавших
в России бизнес с нуля**

«Автор»

2011

Кононов Н. В.

Бог без машины. Истории 20 сумасшедших, сделавших в России бизнес с нуля / Н. В. Кононов — «Автор», 2011

«Бог из машины» – сюжетный ход в античных спектаклях: появление силы, которая решает проблемы героев. «Машиной» выступал кран, позволявший актеру-«богу» «спускаться с небес». Среди российских предпринимателей немало пассионариев, которые дают людям работу и надежду. При этом они лишены античной «машины» – законы неудобны, силовики норовят отнять бизнес, окружающие относятся к капиталистам с завистью, бюрократы выманивают у них деньги. В итоге предприниматели, которые создали бизнес без залоговых аукционов и поддержки чиновников, оказываются чужаками в своем отечестве. Автор рассказывает захватывающие истории об успехах и трагедиях тех, кто решился начать свое дело в России.

© Кононов Н. В., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Благодарности	5
Неудачная фамилия. Вместо пролога	6
Часть первая Точки экстремума	12
Глава I Апельсины и глина	13
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Николай Викторович Кононов

Бог без машины. Истории 20 сумасшедших, сделавших в России бизнес с нуля

Папе, маме, Сане, Вере, Агнии, которые терпели автора, пока он писал эту книгу

Благодарности

Первым делом я хотел бы поблагодарить моих редакторов – тех, у кого учился ремеслу, и с кем мне страшно везло: Марину Москвину, Елену Яковлеву, Александра Куприянова, Кирилла Вишнепольского, Максима Кашулинского и Владимира Федорина. Также выражаю глубочайшую признательность Ирине Трушиной и Сергею Петрову, которые помогли мне превратить разрозненные истории в стройный текст. Отдельное спасибо главному редактору «Альпины Бизнес Букс» Елене Евграфовой, которая поверила в возможность высказывания о негромких людях, героях второго плана. Наконец, я благодарен своей жене Сане, которая оказалась очень строгим критиком книги.

Неудачная фамилия. Вместо пролога

Цепь с грохотом свернулась у ног. Некто в сером плаще с капюшоном, похожим на монашеский, качался в лодке и жестом просил накинуть цепь на кусок лома, торчащий из причала. Я накинул. Монах замахал рукой, приглашая прыгать в лодку.

Вообще-то я не собирался с ним плыть, потому что ждал на причале человека, которого характеризовали как царя мари-культуры Владивостока и окрестностей. Никакой сверхтонкой технологии у него не было – он разводил существ, прославившихся за счет Жака-Ива Кусто: трепанга, морского гребешка, мидий, морского ежа, мию, мактру. За асцидию, похожую на скульптуру из керамики, – их едят в сыром виде для профилактики рака – можно выручить в пятнадцать раз больше, чем потрачено, чтобы ее вырастить. Асцидий хотят по всему миру. Короче, я ждал дорогой яхты.

Но монах махал все настойчивее. Наконец я расслышал, что он кричит: «Это вы на Рикорд?» Причал был пуст, на остров Рикорда никто не собирался, и я закричал: «Вы от Подкорытова? От Подкорытова?» Монах закивал головой.

Может, яхта сломалась и мидийный магнат выслал лодку? Хотелось покинуть остров Попова, за два часа изрядно надоевший. Кроме ветхих домов, магазина и скелетов разных кораблей, остров ничего не обещал. Чайки, крича, делили рыбу. Дорога забиралась на безлесый хребет и исчезала.

Причал был довольно высок, и лодка едва не перевернулась от приземления второго участника плавания. Застрелял мотор, и мы стали удаляться от берега. Туман низко опустил брови, сузив полоску между небом и водой и сдвинув стены вокруг нас до пространства в две комнаты. Сквозь него виднелись острова, которые мы проплывали. Остался слева восточный конец Попова, похожий на хвост ящера, впереди маячил Рейнеке, а справа выступали из океана спичечными головками безымянные острова.

Когда мы подплыли ближе, увидели, что первый из островов похож на конфету, виденную однажды на Пасху в Северной Германии, – столб из вафли с нахлобученной сверху шоколадной шапкой. Отвесные скалы, а наверху трава, поле. «По расщелине тропа, не очень круто», – прокричал в ухо монах; от него веяло чесноком и какими-то степными растениями. За скалами маячил океан, край земли, и я чувствовал себя матросом святого Брендана¹.

Рейнеке закончился, и мы свернули к Рикорду. Остров мало чем отличался от братьев – невысокий хребет и скрывающий его лес. Метрах в ста от берега показались три точки: плоты. Монах показывал на них и улыбался, но мотор тарахтел так, что я отчаялся что-либо спрашивать. Подплыли ближе – среди каждого плота зияла прорубь, где плескалась рыболовецкая сеть. Проводник заглушил двигатель, и мы закачались в тишине. «Вот здесь – гребешок и асцидии, там – еж с мидиями, в третьей – трепанг».

До меня дошло, что это, наверное, часть плантаций, о которой мне рассказывали. Монах демонстрировал осведомленность: «В прошлом году набрали сорок тонн гребешка и десять тонн мидий. Сидят вот тут, в коллекторах, коллекторы навешены на кухтыли, кухтыли вбиты в дно». Он сбросил капюшон, и я разглядел его как следует – очки, сбившиеся седые волосы, небритая щека, распахнутый ворот полосатой рубахи.

«Сколько из этих тонн здесь?» – щедро обведя рукой залив, прокричал я. «Все, что есть». Подкорытов поблек. Что за бизнес в три проруби?

Качало так, что прыгать с лодки на плот было стремно. «Им в заливе хорошо, температура подходит. Врагов всего ничего – морские звезды да чиновники», – крикнул монах и запу-

¹ Брендан Клонфертский (ок. 484 – ок. 578), прозванный «Мореплавателем» или «Путешественником», – один из ранних ирландских монашеских святых, прославился своими полуполюгендарными поисками Очарованной страны (Рая).

стил мотор. Лодка повлеклась к пустынному берегу. Кроме ее сестер, приткнувшихся к узкой полоске пляжа, пейзаж Рикорда разнообразили только джунгли.

Пропетляв среди лиан, папоротников и традесканций, мы забрались на гору и увидели с нее приземистый фанерный балаган. Его врубили прямо в джунгли. Монах провел меня в кухню, где одинокая тетка чистила рыбу, и, бросив «вернусь», исчез. Постепенно к рыбе стягивались люди – пацаны в шортах, студенты с гитарой и семейные пары, также не сильно отягощенные одеждой. Собрание напоминало столовую турбазы.

«А где Подкорытов?» – спросил я чистильщицу рыбы. «Сейчас, придет, обедать будем». – «А ферма здесь круглый год или летом?» – «Садки круглый год стоят, а мы приезжаем на сезон». Она обвела ножом всю компанию. «Вот и Подкорытов твой». Из боковой комнаты, поправляя очки, вышел монах.

Есть люди, чьи фамилии катастрофически не совпадают с профессией: спелеолог Провалов, борец с допингом Дурманов, балерина Волочкова. Подкорытов работал промышленным водолазом. Советские годы он провел на острове Попова, куда был отправлен вместе с бригадой заниматься марикультурой. Эксперимент прекратился вместе с распадом Союза, но идею Подкорытов запомнил хорошо.

Гребешка, трепанга и мидий можно собирать в Японском море в промышленных масштабах, не будь эти культуры рассредоточены. В 90-х браконьеры уничтожили трепанга – деликатес, который раньше рос повсюду. Они прошлись по заливам Посье-та и Петра Великого, оставляя голое дно и убивая популяцию за популяцией.

Следующие годы рестораны Владивостока закупали мидий, мию с мактрой и прочую красоту у японцев и датчан. Те выращивали гребешка под наблюдением селекционеров на охраняемых плантациях.

Подкорытов арендовал несколько гектаров побережья на острове Рикорда. Мы еще раз сплавали к садкам, постояли на колышущихся плотках. Подкорытов демонстрировал мне свои стада. Он подвинул японцев и продавал водоросли и моллюсков ресторанам, супермаркетам и рынкам. Придумал, как пересылать гребешков самолетом – в коробках со льдом. В 2006 году плантация дала под миллион долларов.

Подводный бизнес развивался по законам викиномики: Подкорытов не герметизировал свои садки, и личинки гребешка, краба и других персонажей просачивались через них, марикультура распространялась по заливу. Как Facebook, Подкорытов давал сторонним компаниям – рыбакам – зарабатывать с помощью своей платформы.

Я чувствовал уважение к негромкому человеку, который полжизни занимался одной темой, наращивая потенциал. Между прочим, черта великих предпринимателей из бестселлера Джима Коллинза «От хорошего к великому»².

С другой стороны, я не мог понять, почему не имеющий серьезных конкурентов, сделанный по уму бизнес за восемь лет вырос всего вдвое?

Обед кончился, пацаны бежали к лодкам. Солнце пекло, и в джунглях бродил сырой воздух. «Пойдемте, посмотрим на дом с другой стороны», – вздохнул Подкорытов. Обогнув угол, мы спустились к пляжу. Я обернулся и увидел, что фанерный балаган превратился в парусник с окнами-иллюминаторами. Сверкающий краской и стеклом, он торчал из джунглей как диплодок или другое животное позднеюрского периода.

² Коллинз Дж. От хорошего к великому: Почему одни компании совершают прорыв, а другие нет... М.: Манн, Иванов и Фербер, 2011.

«Смотрите сюда», – крикнул Подкорытов и подошел к борту. Я разглядел дырки, много дырок, будто на корабль напал озверевший дятел. Затем поднял взгляд выше и увидел торчащее из иллюминатора дуло ружья.

В 2005 году Подкорытов совершил неосмотрительный поступок – посадил лесничего, требовавшего взятку. На намеки договориться и перейти под крышу вежливо посылал. Такое поведение во Владивостоке осуждают.

Постсоветский Владик славен тем, что почти каждый мужчина имел ту или иную связь с криминалом. Если не имел, значит, или приезжий, или не мужчина. Так же с бизнесменами: каждый начинал с торговли японскими автомобилями, а если не ими, то уж чем-то совсем «непрозрачным».

Если ты слабый – сливайся и не пикай, если сильный – доказывай силой. Обычная история для города переселенцев.

Социолог Леонид Бляхер назвал культуру Владивостока «проточной»³. Эта культура не создает норм поведения, обычаев и привычек. Зачем договариваться с соседями, привлекать власть к разрешению конфликта, если можно врезать бутылкой по голове – все равно через год мы отсюда уедем, правда?

Закон в проточной культуре не моден. Если бы власть контролировали шериф и восьмизарядный барабан, Приморье хотя бы походило на Техас, но силовики срослись с «оргпреступностью». Последние годы изменили немного. Автору детективов, желающему преуспеть, следует переселиться в Приморье. И поскорее – есть риск, что прототипы друг друга перестреляют.

Незадолго до похода с Подкорытовым на Рикорд в городе произошли две истории.

Первая разворачивалась на островах Пахтусова. Авторитеты пировали с братвой, расставив на песке столы с яствами. Их домочадцы купались, пускали камешки, охрана загорала, посматривая вдоль берега. Сначала внимание привлекал чудила в панаме, который искал моллюсков и клал их в пакет, но этот кадр был очевидно безобиден, и охрана спала спокойно.

Чудила же, поравнявшись со столами, выхватил из пакета пистолет и расстрелял авторитетов. Из-за мыса подрулил водный мотоцикл, взял стрелка и скрылся так стремительно, что охрана едва успела дернуть затвор.

Вторая история – о чудесном совпадении. Один депутат ездил в хорошо бронированных машинах и потому не боялся. Тем не менее, поддерживал связи в органах, следящих за миром более пристально, чем он. Такой подход спас депутата однажды утром, когда кортеж мчал его по делам. Ему позвонили, он попросил остановить джип и выпустить его в прачечную, где обнаружили неотложные нужды – простынки сдать погладить, полотенца простирнуть. Как только он скрылся за дверями заведения, джип подорвался. Журналисты недоумевали: надо же, не посещал булочные-прачечные, и вот на тебе...

Подкорытов восстал против условий, когда терпила терпят, злодеи злодействуют, а чекисты скорее сплавят наивного «коммерса» рейдерам, чем защитят его.

Посадка инспектора дала Подкорытову ненужную известность. В октябре 2005-го на Рикорде некие гости сняли часть урожая из садков. Кто такие? Браконьеров тут не было уже четыре года. Коррупционеры и госинспекция малых судов, и рыбоохрана – но они ходят по своим участкам. Подкорытов учредил на острове дежурство.

Через месяц его сын Андрей увидел в иллюминатор дома-парусника, как чья-то лодка кружит у садков. Они с напарником схватили оружие и завели моторку. Гости развернулись и пошли на таран. Как установило следствие, Андрей уклонился от маневра и пальнул из дедов-

³ Бляхер Л. Е. Парадоксы провинциальной политологии (записки провинциала) // Социологическое обозрение. 2001. Т. 1. № 1.

ского ружья 1943 года выпуска в направлении браконьеров, ранив одного из них. Лодка ретировалась.

Сторожа поняли, что оказались в ловушке. Спутникового телефона на ферме не было. Плыть на материк – вернуться и снимут оставшийся урожай. Идти на моторке кому-то одному – штормит.

Пока думали, на море загремели моторы – к берегу чалились три лодки. Зная, что бежать некуда – Рикорд лилипутский, – Андрей выстрелил по воде. Ему ответили, пуля ранила в ногу. Приезжие махнули перед носом ксивами всеведущего ведомства, и Андрей понял, какую крышу отец не учел.

Их с напарником арестовали. Гости забрали снаряжение и убрались, оставив охрану. Когда на следующий день Подкорытов и адвокат пришли на Рикорд, к паруснику и садкам их не подпустили.

Я говорил с Андреем в квартире Подкорытова. Он рассказывал, что отец ищет инвестора, чтобы построить на острове турбазу с рестораном – в стороне от фермы. Но все хотят контрольный пакет, не меньше, а в проточной культуре права миноритариев эфемерны.

Гулкая кухня с бельевыми веревками распаивалась в косогор, освещенный тусклым закатом. Владивосток втиснут в сопки так, что, выйдя из подъезда, можешь очутиться на уровне десятого этажа дома, стоящего ниже по склону. Где-то совсем внизу шумела магистраль и зарывались в мусор картонные домики вещевого рынка, мимо которых запыленные люди катили тележки.

Связавшись со знакомыми силовиков, Подкорытов получил пробоину. Длинные кредиты бизнесмену, отягощенному уголовщиной, никто не даст, а прибыль не инвестируешь, потому что ее съедают издержки на суды.

«Мои злейшие враги – чиновник и звезда», – повторил Подкорытов. Их действия схожи – подбираются к жертве и жрут; один под прикрытием закона, другая – природы. Желая пройти естественный отбор, жертва спасается как может.

Стоп, подумал я. А почему не бежит Подкорытов? Мужик в близоруких очках, на вид терпила, владелец бизнеса, который не дотягивает до среднего, не имеющий в друзьях ни Сухаря, ни Годзиллу, ни Лютого. Зачем восстал этот собиратель частиц «не»? Почему он не выберет удобную крышу и не прикрутит фитиль?

С Рикорда мы плыли в компании друзей Подкорытова, торговцев авто. Мне показалось, что, разговаривая с ним, они как-то снисходительно похлопывали его по плечу. На Рикорде торговцы ловили рыбу, а на материке откупались от чиновников и, похоже, не понимали, зачем ради асцидий вести неравную войну.

И правда: что ему асцидии? Жизнь дороже; причем жизнь сына. Так зачем?

Позже я набрел на книжку Ксении Касьяновой «О русском национальном характере»⁴. Исследование этого социолога основывалось на результатах психотеста ММПИ (Миннесотский мультипрофильный опросник). Вот что пишет Касьянова о национальном способе борьбы за правду:

«Наша странная и суровая культура, вся основанная на супрессии и репрессии, предложила для высшей формы самовыражения такую именно форму действия, которая является как бы квинтэссенцией ее (культуры) сути – самопожертвование. <... > Самопожертвование – это для всех окружающих сигнал, призванный всколыхнуть чувства, привлечь внимание. Он говорит нам: “Несправедливость достигла невыносимых размеров!” Завидев на своем небе эту красную ракету и, может быть, другую и третью, культура должна спешно начать приводить в действие свои защитные механизмы. <...> Мы, люди в этой культуре живущие и знающие

⁴ Касьянова К. О русском национальном характере. М.: Акад. проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003.

ее, должны срочно начать обдумывать эту ситуацию, волноваться, обсуждать и спорить, сообщать, что же можно тут сделать».

Подкорытова погрела лавина проблем – драка с властью, паразитирующей на чужой инициативе, браконьерами, средой, – и, доведенный до крайности кувырканием в этой лавине, он включает национальный характер. Страдает и молча приносит себя в жертву – сигнализируя другим, что все плохо. Не поднимает волны вокруг суда, хотя уже сажал чиновника, не обращается в прессу.

Продуктивно ли тихо бороться в одиночку? Подкорытов долго молчал, а потом изрек: «А кого мне привлекать? До Москвы далеко, а здесь все друг с другом связаны». Я опешил – все-таки XXI век и никто не мешает вести кампанию в Интернете.

«Что тогда заставляет вас заниматься неудобным, непрестижным, опасным делом?» Подкорытов пробормотал, что ответа нет. «Не могу остановиться».

Это и был ответ.

Представьте, человек преобразовывает среду, страну, делает что-то для нее, платит ей налоги. Он привык производить, поставлять и не мыслит о том, чтобы закрыть бизнес. А переносить его некуда – в Японии мариккультурой занимается отрасль, нелюбезная к чужаку.

Бежать тоже некуда, страх и гнев накладываются на желание жертвы крикнуть: что-то не так! Взрывоопасная смесь. Но может, Подкорытов – редкий персонаж?

К сожалению, нет. Есть показатель, который отражает, насколько бедствует бизнесмен, – рейтинг Doing Business⁵. Согласно ему, удобнее вести дела в Папуа – Новой Гвинее, чем в России.

Так зачем делать бизнес там, где это неудобно, непрестижно и опасно?

Этот вопрос я задавал героям очерков, которые писал для журнала Forbes. Я провел полсотни интервью, встречаясь с предпринимателями, которые не просто создавали бизнес, но также генерировали идеи и проекты, менявшие среду. Они рассказывали, как преобразовывают мир и до чего их довела страсть прогрессора. Откуда взялось поколение тридцатилетних, которое не замечает проклятых проблем тех, кто родился на десять лет раньше.

Их истории стали поводом к этой книге. Я расскажу, чем пожертвовал сын плотника, чтобы сохранить многомиллионный бизнес в архангельской глуши, и что случилось с владельцем маслодавильной компании, занявшимся социальной инженерией. Что движет миллиардером, который каждый день заматывает ноги в портянки и спускается в угольную шахту. Как выпускники Стенфорда растят компанию с культурой Силиконовой долины, сторонясь государственных оранжерей типа Сколково. Как относятся к бизнесу старообрядцы и зачем археолог, занимавшийся эпохой Великого переселения, перенес ее события в свою жизнь и стал предпринимателем-кочевником.

Я старался, чтобы книга стала не только физиологическим очерком бизнесмена, но и очерком перемен, которые происходили с людьми, когда они превращались в предпринимателей и начинали действовать.

У писателя Юрия Ковалю есть рассказ, где герой гуляет по лесу и вдруг слышит чей-то шепот, вертит головой, а потом понимает – деревья, травы, ветер просят: «И о нас напиши, и о нас напиши».

Сходное чувство я испытывал, когда разбирался в своих героях – мне хотелось транслировать их истории миру. Когда подступал пафос, я вспоминал старателя Лабуня, который, услышав, что текст о его артели до публикации увидеть не удастся, прохрипел в трубку: «Пиши, пиши. А если не так напишешь, мы тебя приделаем. Шучу, кха-кха, шучу...»

⁵ Doing Business – глобальное исследование и сопровождающий его рейтинг 183 стран мира по показателю создания ими благоприятных условий ведения бизнеса. Выпускается Всемирным банком и Международной финансовой корпорацией (IFC).

Когда мы покидали остров, Подкорытов прислонился к мачте и что-то рассматривал вдаль, шевеля губами. Я понял, что он поет, но не мог разобрать слов – их относил ветер. Белый парусник скрылся, штормило.

Волны подбрасывали катер, и всю дорогу Подкорытов пел, вцепившись в мачту. Не знаю, как с него не сорвало очки. Пути было 40 километров.

Часть первая Точки экстремума

«Кризис? Прекрасно!» «Падение рынка? Повод выбрать лучших из уволенных конкурентами!» «Предали сотрудники? Изобретите бизнес-модель, где лентяи не нужны!» Классика бизнес-школ неплохо выглядит в теории – экстремальные обстоятельства толкают к инновациям, стресс стимулирует и бла-бла.

Я хотел бы рассказать, как на самом деле себя чувствует предприниматель в точках экстремума. Финансист химической компании подкладывает под нары газеты и кутается в пальто, чтобы не замерзнуть в тюремной камере, – ее посадили за нежелание сотрудничать с коррупционерами, а она вышла и создала движение, защищающее бизнесменов от наездов. Потомки казаков-первопроходцев, оставшихся жить на берегу Ледовитого океана, не хотят уходить с земли, где осели предки, и ведут рыболовецкий бизнес, но логистические издержки не позволяют им сводить концы с концами. Король подсолнечного масла бьется с нерадивыми крестьянами, разочаровывается в людях и выстраивает в компании подобие секты.

Эти и другие герои – жертвы национальных особенностей бизнеса. Их истории невозможно представить в странах, где предпринимателей считают достойной ролевой моделью. Тем не менее, находясь в точках экстремума, они развивают бизнес там, где начали. Что ими движет?

Глава I Апельсины и глина

Неосвоенность территорий, которые подарили Российская империя и Союз, деморализует бизнесменов еще на стадии подсчета транспортных издержек. Один из них сказал: «Если хочешь экспансии, твердо знай, что вокруг пустыня, и думай, думай о логистике – больше, чем о продукте, чем о чем-то бы то ни было». Нигде в мире география не доставляет столько проблем – если, конечно, не найти изобретательный способ выкрутиться из обстоятельств.

Сначала человек различал три цвета: синий – небо, белый – земля, коричневый – анорак. Потом белый поглотил мир. До пурги жил рельеф – холм, река, куст, – а теперь все скрылось. Солнце светит, но через заполненный падающей ватой воздух не видно, где оно; везде.

Проныл самолет. Если видеть, куда летит, можно догадаться, где какая сторона света. Но белое съело солнце, что говорить о самолете. Остается гул двигателей, но проклятая вата рассеивает и его.

Семьдесят первая параллель. Человек стоял на коленях среди тундры, молился и прятался от ветра и залеплявшей глаза пурги за сломанный снегоход.

Человек стыл, танцевал на снегу, вытаптывая пяточок среди сугробов, по бедра в белом, и проклинал край земли, куда его занесло. Вытанцовывалось неважно. Сковывали не окружающие -40, а смертный страх.

Когда задуло, он, конечно, вспомнил, что ему говорили: раскапывай снег до земли и смотри, как на компас, куда трава лежит. Раскопал, даже согрелся, но надо же помнить, какой ветер дул, когда ложился первый снег, чтобы наклон травинки сказал что-то о сторонах света.

Ужас душил потерявшегося еще и потому, что если бы развиднелось и он починил снегоход – все равно не уехал бы, поскольку заблудился в ландшафте без свойств. Местные умеют искать путь по застругам на снегу, звездам, читать звуки, ветер, следы, а он – нет.

Вдруг показалось, что скрипят полозья, кто-то едет. Слышно, как дышат и спешат лайки. Сначала он испугался, потому что местные говорили, что в метель по тундре, которую они зовут сендухой, а он – пустыней, кружит сендушный – мужичок без бровей – и набирает слуг из живых душ. Помотал головой – не верю в бред, но здесь пустыня, пространство убеждает, что вокруг реальность, которая подчиняется неясным законам.

После танца занемели ноги. Человек понял, что сопротивляться незачем и опустился на колени, позволив белому цвету обнять его за плечи.

Он родился на пахнущем розмарином юге, у гор и моря, полного осетра и нефти. Его звали Наibuллах Магомедович, и увязнуть в Русском Устье ему помогли мандарины. Ну, не только, еще яблоки и другие фрукты, которыми он торговал. Как сибирские первопроходцы, Наibuллах двигался на север. Основал в Якутске фирму. Севернее Якутска для предпринимателя средней руки жизни нет, а для мелочи есть. Наibuллах возил в улусы – якутские районы – апельсины и яблоки.

Однажды в Чокурдахе, поселке в 100 километрах от Ледовитого океана, у него отказались принимать фрукты. Мол, до тебя прилетали, чего не хватало, завезли. Наibuллах спросил, куда деваться, и ему посоветовали поселок Русское Устье. Идея понравилась – русский понятнее якута, от которого следует бежать, если тот выпил хоть стакан.

Наibuллах зафрахтовал лодку, погрузил ящики и отплыл, не зная, какие контрагенты ждут его в Устье и почему у них в паспорте национальностью записано «местный русский». Знал только, что поселок у океана и люди живут там безвылазно лет двести, а может, четыреста.

На месте рассказали, что пятьсот. Вроде как первыми явились новгородцы, бежавшие от вертикали власти Ивана Грозного. К ним присоединились казаки, плывшие от Якутска на разведку. Часть их как поняла, что конец земли, придется идти обратно, так плюнула и осталась. Первопроходцы женились на якутских, эвенских и эвенкийских женщинах и обратили их в православную веру, возвели храм.

Когда Наibuллах заглянул в него, не сразу понял, что это церковь – пустой сарай и вместо иконостаса приколоты бумажная икона. Ему объяснили: деревянные образа прибывали на кресты умершим – ложился ты, а над тобой оставался святой, Спас или Богоматерь. Когда красные углы иссыкли, пришлось брать из храма.

Наibuллах поразило, что в Русском Устье помнили, что такое святки, и ходили к соседям колядовать. Действо обзывали «машкерады пришли». Правда, колядок не пели – надевали маски и танцевали. И не пили – вообще никогда.

Наibuллах недоумевал – вроде русские, а выглядят как чукчи. Потом привык. Ему понравилась помогавшая пристроить фрукты девушка, он женился и осел в Устье навек.

Пришельца учили ставить невод, различать путь в тундре. С первым еще ничего, а с ориентированием беда. Охотники смеялись, но так и не смогли растолковать, как определяют дорогу. «За этим бугром еще один, а справа протока. Там куст торчит, чуть влево наклонился». – «А зимой как?» – спрашивал Наibuллах. «Ну, куст заметает, а что, тебе протоки мало?»

На деревню смотрело зеркало тундры, с капиллярной сеткой проток. Зимой бесстрастное, летом чуть человечнее, с ржаво-охрянными лишайниками. Когда погода замирала, Наibuллах охотился недалеко от деревни. Никто из русскоустыинцев не бил зверя, разве песца, сдавали шкуры. Разъезжающий с ружьем человек вызывал уважение.

Вокруг Устья он уже не плутал, но однажды все-таки прокололся. Тихо и страшно поднялся ветер – сначала низовой, затем тишина и порыв, сбивающий с ног, снег. Разыскивая дома, Наibuллах уронил снегоход и едва выбрался из-под него.

Перед тем как упасть на колени, он вспомнил, что местные в пургу вкапывали нарты носом вверх, заслоняясь от ветра, обкладываясь собаками и дремали, не шевелясь и не тратя сил. Он плакал оттого, что погибал на чужой земле, своя бы спасла.

Наibuллах откопали у околицы. Он лежал лицом в руки, припорошенный, живой и почти не обмороженный. Ладоней от лица, впрочем, не отлепили.

Через несколько дней он ожил, заговорил и даже вышел на улицу. Все радовались, кроме жены. Она поняла, что Наibuллах не чувствует земли, по которой ходит, – хотя, нет, ног не отморозил. Ей предстояло выбрать – улететь с ним или остаться.

Когда ехали на снегоходе в аэропорт, Наibuллах глядел в спину впередисидящему. Иногда резко оглядывался. Тундра молчала и не двигалась – и он тоже молчал. Белый цвет разжал объятья и отпустил на юг к пахнущим после ливня скалам и доннику, бессмертнику, анису.

Историю торговца фруктами я услышал в Русском Устье. Я летел, чтобы посмотреть на самую северную русскую деревню, а выяснилось, что отношения этого селения с миром – аллегория беды любого бизнеса, выросшего вдали от города.

Наука не знала, кто первым пришел на ледяной холм Стан-чик – версию о новгородцах и казаках Дежнева историки не подтверждали. С другой стороны, мало кто из ученых посещал здешние места. 1218 километров на самолете на северо-восток от Якутска, через Верхоянский хребет, и еще сотню на снегоходе или лодке – не ближний свет.

Откуда явились устыинцы – бог весть. Фамилии русские, церковь осталась, вера мутировала. За четыреста лет библейское предание, передававшееся изустно, звучало так:

«Сперва никого не было, ни людей, никого, был только дух на небесах, и от этого духа основался человек, и он там жил, на небесах. Он подумал, этот человек: должна ведь быть

земля. Он посмотрел вниз – а там море – и увидел: чего-то чернеет одно место. Вот он к нему приблизился и увидел: гагара на море плавает. Стал он ему говорить (он тоже, этот гагара, как святой): “А ты знаешь, где земля лежит?” – “Я думаю, внутри есть, очень далеко”, – отвечает гагара. “Как-нибудь не мог бы ты достать земли?” – спрашивает человек. Гагара нырнул, и долго его не было, наконец выплыл – пустой. “Есть земля, но достать сил не хватило”. Тогда дух прибавил ему силы – и вынес гагара землю на себе. А дух взял ту землю и дунул по всему свету. Где упало больше, там стали горы, курганы, где меньше – суша, а море морем и осталось».

Коллега Дмитрий Соколов-Митрич, который записал это переложение у старика, живущего в заимке в стороне от людей, рассказал, что в Русском Устье есть два предпринимателя, которые ловят редкую рыбу – омуля, чира, муксуна, нельму – и продают едва не на новосибирские комбинаты. У них вроде грандиозные планы, и все рыбаки работают на них.

Эти двое, Сергей Суздалов и Алексей Киселев, обещали встретиться с нами в Чокурдах на «Ниве» с двухметровыми колесами, пригодной для езды по заболоченной тундре. Однако, у аэропорта «Нивы» не нашлось.

Местные сказали, в Устье что-то стряслось и они уехали часом ранее. Мы заселились в общежитие «Северяночка» и принялись существовать. Снизу глухо ругались якуты, фотограф безрадостно чистил объектив клизмой. За окном, едва взойдя, валилось солнце и, несмотря на -42, шлялись дети.

Киселев и Суздалов возникли среди тундры на снегоходах. «Нива» понадобилась больному, которого предстояло везти в больницу к хирургам-киргизам. (Никто из мединститута не захотел в Чокурдах. Раньше здесь бродили геологические партии, а теперь пустота и рейс раз в неделю.)

Киселев оказался низеньким, с виду совершенный якут. Суздалов необъятный, редкоусый, с застывшим глазом – на охоте попали дробинкой. Рассказали новейшую историю. В 70-80-е Устье опекали как партийный санаторий – в магазине продавались модная одежда, телевизоры, прилетали черешня из Ферганы, виноград из Сухуми, картофель из Архангельска. Рыбу сдавали на рыбозавод. Советская власть не жалела денег на северный завоз и вывоз – принимала 1000 тонн в год самолетами.

Однако быт застрял в XVI веке. Топили нефтью, но ее вечно не хватало и не хватает. Поэтому каждую весну Устье садится на берег и шепчет слова – то ли молитву, то ли заговор. Река приносит деревья с подточенных берегов, и люди цепляют их баграми.

Иногда бревна сбиваются в огромный шевелящийся лоскут и плывут по реке. Люди называют это Божий плот.

Ловят тоже по-старому – неводом. Рыба нагуливается в верховьях Индигирки, потом идет вниз. Двое в моторке втыкают в дно колья, на которых держится невод, прочие бредут берегом и вытаскивают сети с попавшими в них стаями.

Киселев сказал: «У нас хорошие рыбаки, много ояви». Я переспросил. Выяснилось, в Устье родители переселяют в детей души умерших, славных добрым нравом и мастерством в каком-либо деле. Называется переселенный ояви.

Устье – горстка домов среди если не пустоты, то недостаточности – тепла, существ, растений, людей. Каждый дом с мистической историей, у каждой семьи родственник-ояви. Переселенцы отличаются по тому, как их величают. «Ефим Чикачев ояви Прохор» – значит, в Ефима вселился дед Прохор, великий рыбак и хороший семьянин. Чтобы умерший вернулся ояви, в гробу прорезают дырку для души...

Бамс! Киселев уронил чашку – не разбилась – поднял, вернул на скатерть и стал рассказывать, что власть поддерживает Устье все скромнее.

Летняя навигация – две недели. Пароход «Механик Кулибин» швартуется у ледника, где хранят рыбу, берет 250 тонн на полмиллиона долларов и отваливает. Суздалов жаловался, что могут сдавать вдвое больше, но квота не пускает.

Суздалов с Киселевым думали о заводе, но посчитали, что нерентабельно – перевозка рыбы до самолета стоит 50–60 рублей за килограмм. Срок хранения рыбы холодного копчения, годящейся для консервов, исчисляется днями. Что требует частых дорогих авиарейсов. Еще идея – шоковая заморозка, чтобы рыба дожила до покупателя. Но и она не удешевляет вывоз.

Власть подарила энерговетряк, но помочь с логистикой рыбы не может, дорого. И так один год проживания гражданина в этом улусе обходится в 1000 долларов. Средний житель Якутии не сильно дешевле – около 20 000 рублей на человека.

Суздалов и Киселев страдают оттого, что Устье сидит на богатой рыбе, а их бизнес заперт географией и ключа к замку не выковать.

Устьинцы не одиноки – Якутия стонет от отсутствия круглогодичных твердых дорог. Путешествие в соседний улус – подвиг. Телевидение дает бегущие строки вроде: «Еду в Усть-Яну. Возьму попутчика. Питание по договоренности».

Мало того что дорог мало – они еще и непредсказуемо плохие. Вернувшись в Якутск, я встретил предпринимателя, чей бизнес едва не умер из-за ливня.

Затяжные дожди сентября 2006 года размыли глину и открыли тайный позор федеральной трассы «Лена». Оказалось, никакого твердого покрытия там нет. Возвращавшиеся из отпуска водители фотографировали утонувшие в грязи автомобили. Снимки вывесили в Интернет. Очевидец писал: «На участке под названием “Мундручу” пробка из шестисот машин. Голод, отсутствие топлива, драки, стрельба. Народ вскрывает контейнеры в поисках теплой одежды. Женщина родила прямо в автобусе».

Пока начальники высылали бульдозеры к страдальцам, Егор Макаров уговаривал себя не стреляться. А что делать, если на твоих глазах гибнет новорожденный бизнес и ты не можешь его спасти?

Макаров – путешественник, полярник, владелец ресторана, где подают леденящую кровь водку с юколой, – вложил в завод питьевой воды. Бизнес напрашивался – вода из крана в Якутии такая, что лучше не смотреть, что пьешь.

Макаров разлил первую партию – клиентам понравилось. Подписал договоры с ведомствами, отелями, офисами и послал грузовики за тарой – пластиковыми бутылками. Воздухом дорого, а посуху из Якутии выбирают только через «Лену».

Водители грузовиков доложили Макарову, что выплывут из глины через месяц. Вместе с ним проклинали небо и власть другие предприниматели. Чтобы не подвести ждущих воду, Макаров дернулся нанять вертолет, но раздумал – чтобы вывезти всю тару требовалось несколько рейсов. Макаров выбирал между позором и крахом, и выбрал позор.

Впрочем, он решил начать заново и нарисовался перед контрагентами с тем же предложением. Контрагенты сказали: «Вообще-то, это не форс-мажор, а постоянный риск. Увольте». – «Я буду возить тару загодя, – ответил Макаров. – У нас тут жить – один большой риск».

Якутии была нужна питьевая вода, а связи Макарова сильны – ему дали шанс. «Чистая вода» взлетела – в буквальном смысле. Ее заказывают из отдаленных улусов, и бутылки трясутся в переднем отсеке Ан-24 рядом с ящиками мандаринов.

Останемся на дребезжащем птеродактиле и полетим в Усть-Янский улус. Здесь живет еще одна порожденная географией проблема, мешающая делать бизнес. Улус этот не край земли, как Устье, но тем лучше – проблема существенна для всей страны, не только для Якутии.

Вдоль реки с высокими берегами ползет караван. Вездеходы тащат в кузовах кривые и вымазанные в глине бревна. Иногда поезд тормозит и разбивает лагерь среди мхов. Небритые мужчины садятся в лодки и плывут вдоль берега, осматривая песчаные откосы.

Стоит им заметить торчащее кривое бревно, как они возбужденно машут руками и причаливают. Дальше действуют по обстоятельствам – или подбираются на лодке и выкапывают бревно из откоса, или спускаются с берега по веревке с лопатой наперевес.

Килограмм бревен стоит 200 долларов, потому что на самом деле это не бревна, а бивни мамонтов. Туча праслонов полегла здесь, в Якутии, поэтому где как не в тундре слоняться мужчинам в поисках мечты – кладбища с россыпью бивней.

Но кладбище встречается раз в полвека, а одинокие бивни легче обнаружить в почве, подточенной рекой. И вездеходы ковыляют дальше вдоль русла. Кузовы набиты костью, консервы съедены, на носу осень. Процессия сворачивает к точке, откуда ее заберет вертолет.

Вдруг водитель замечает в тундре движение. Кто-то приближается. То ли грузовик, то ли джип. Машина закладывает такие виражи, что ясно – водитель нетрезв.

Вездеходы совещаются по рации и заряжают карабины. У каждого мелькает надежда: а может, все-таки нет? Но вариантов ничтожно мало. Из перерезавшего дорогу уазика сыпятся враги.

Начинается опостылевший разговор. «Вы на нашей земле, ищите, значит, кость и на ней хотите наварить. А нам?» – «Ну, вы не ищите – а могли бы». – «Какая тебе разница, могли или нет, наша земля и все». – «И что?» – «Бивень давай». – «Что делать с ним будешь?» – «Давай бивень, ты же хочешь домой вернуться?» – «Ты, наверное, тоже». – «Я таких, как ты, много закопал». – «А мы таких, как вы, тоже закапывали». – «А нас тут больше». Враг рукой обводит тундру.

«Верю», – улыбается главный. Он промышляет бивень не первый год и знает, что власти в ближнем поселке нет. Есть, допустим, пьяненький участковый. Все. Техас без шерифов. И что? Зря готовились, копили, обнадеживали фирмы, которые режут из бивня статуэтки, шары для бильярда и другую туфту? Будь проклят этот бизнес двадцать пять раз, но что мы, геологи, умеем, если не искать сокровища?

В голове у главного вертится нежная мелодия, и он думает, как красиво умереть с такой музыкой от пули бухого якута. Некстати вспоминаются дети. Стоп, говорит он, ты не трагедию ставишь, и никто не узнает о гибели твоей суровой души, если ты не сломаешь вот того, с перебитым носом. Улыбайся, улыбайся.

Врагам не улыбается возиться с продажей и вывозом бивня, а деньги на продолжение банкета нужны здесь и сейчас. Геологи могут прострелить им колеса, и тогда придется брести до жилья и жрать ягель. А вот вездеходу гусеницы не прострелишь. Правда, можно получить не в гусеницу, а в топливный бак.

Все, черт возьми, как-то амбивалентно. Оппоненты пьяны, а нетрезвые коренные народы склонны к алогичным поступкам. Разговор висит на флажке драки.

Наконец враги прогибаются: «Ты купишь у нас кость, и мы вас не видели». Вскипает торг. Издержки на упырей заложены в бизнес-модель экспедиции, но мужчины притворяются, что бриголовые вгоняют их в нищету, и отчаянно играют на понижение.

Наконец стороны фиксируют цену, вершат транзакцию и разбредаются. Искатели бивней прячут карабины, закуривают. Прикидывают, что до точки отскока упырей встретить не должны. Выбирают ресторан, где отметят конец сталкинга.

Вездеходы ковыляют дальше. Водитель стряхивает пепел в банку из-под рыбных консервов и шурится от ночного солнца.

Через полчаса их догоняют уазики. Все, кроме водителя, хватают карабины и передергивают затворы. Главный сплевывает и целится сквозь иллюминатор в чей-то прыгающий полусубок.

Остановка в пустыне. Водитель орет, чего надо. Местные отвечают, что денег мало, и требуют бонус в виде спирта. Главный морщится, отворачивается и кивает. В уазик летит канистра – те ржут и исчезают.

Экспедиция не спрячет оружие, пока не бросит бивень в вертолет.

Директора компании, с которой почти каждый год происходят такие истории, зовут Валерий Кривошапкин. Офис с табличкой «Геос» размещается в сараеобразном строении на окраине Якутска. Мы пробрались через сложенную в сенях добычу, гараж снегоходов и лодок и сели за деревянный стол. Кривошапкин принес пощупать бивень – желтый, с трещинами, если постучать, глухо гудит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.